

PAGINA TÂNĂRULUI CERCETĂTOR

Мирзохид АСКАРОВ

НАЦИОНАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ УЗБЕКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
КРАТКИЙ ОБЗОР

DOI: doi.org/10.5281/zenodo.3956788

Rezumat

**Simbolurile naționale ale identității uzbece:
o imagine de ansamblu**

Sunt considerate simboluri naționale (etnice, religioase) ale poporului uzbec pe baza literaturii engleze și a teoriilor occidentale despre construcția și consolidarea naționalismului. Este analizat procesul de creare și implementare a acestor simboluri. Sunt comparate simbolurile vechi și noi ale identității de stat, sunt dezvăluite asemănările și diferențele lor și continuitatea lor față de simbolurile anterioare. Simbolurile de pe moneda națională a Uzbekistanului sunt studiate comparativ, sunt analizate caracteristicile și imaginile acestora. Articolul a examinat și dovedit motivele studierii simbolurilor naționale și consecințele care sunt așteptate ca urmare a neacceptării acestor simboluri de către indivizii acestei societăți. În plus, în timpul analizei istoriografice a publicațiilor în limba engleză privind identitatea națională contemporană a uzbecilor, au fost sistematizate grupuri de cercetători pe tema analizei. Drept urmare, s-a constatat că identitatea religioasă și etnică și simbolurile lor joacă un rol important în viața de zi cu zi a poporului uzbec, mai degrabă decât în simbolurile naționale. Cu toate acestea, unele simboluri etnice sau religioase au fost transformate în simboluri naționale pentru a crește în continuare loialitatea oamenilor față de statul existent. Autorul nu neagă faptul că statul are un mare acces la manipularea simbolurilor, dar dacă nu coincide cu viața reală și istoria oamenilor date, atunci statul riscă să piardă încrederea în sine, ceea ce duce la o „criză de identitate”.

Cuvinte-cheie: identitate uzbecă, identitate națională, simboluri, A. Timur, logotipizare, criză de identitate.

Резюме

**Национальные символы узбекской идентичности:
краткий обзор**

На основе англоязычной литературы и западных теорий о строительстве и укреплении национализма рассматриваются национальные (этнические, религиозные) символы узбекского народа. Анализируется процесс создания и внедрения этих символов. Сопоставляются старые и новые символы государственной идентичности, выявляются их сходства и различия, а также устанавливается их преемственность. В сопоставительном аспекте изучаются символы, отраженные в национальной валюте Узбекистана, анализируются их особенности и изображения. В статье также рассмотрены и обоснованы причины изучения национальных символов и ожидаемые последствия

неприятия данных символов представителями этого общества. Кроме того, в ходе историографического анализа англоязычных публикаций по современной национальной идентичности узбеков были систематизированы группы исследователей по предмету анализа. В результате было обнаружено, что важную роль в повседневной жизни узбекского народа играют скорее религиозная и этническая идентичности и соответствующие символы, нежели национальные символы. Однако некоторые этнические или религиозные символы были превращены в национальные с целью дальнейшего повышения лояльности народа к существующему государству. Автор не отрицает того факта, что государство имеет значительный доступ к манипуляции символами, однако если нет соотносительности с реальной жизнью и историей данного народа, то оно рискует потерять доверие к себе, что приводит в конечном итоге к «кризису идентичности».

Ключевые слова: узбекская идентичность, национальная идентичность, символы, А. Тимур, логотипизация, кризис идентичности.

Summary

**National Symbols of Uzbek Identity:
A Short Overview**

Based on English literature and Western theories on the construction and strengthening of nationalism, national (ethnic, religious) symbols of the Uzbek people are considered. The process of creating and implementing these symbols is analyzed. Old and new symbols of state identity are compared, their similarities and differences are revealed, and their continuity from previous symbols is established. The symbols reflected on the national currency of Uzbekistan are studied in a comparative aspect, their features and images are analyzed. The article also considers and substantiates the reasons for studying national symbols and the expected consequences as a result of rejection of these symbols by representatives of this society. In addition, in the course of historiographic analysis of English-language publications on the contemporary national identity of the Uzbeks, groups of researchers on the subject of analysis were systematized. As a result, it was found that religious and ethnic identity and their symbols play an important role in the daily life of the Uzbek people, rather than national symbols. However, some ethnic or religious symbols were turned into national ones in order to further increase the loyalty of the people to the existing state. The author does not deny the fact that the state has great significant access to the manipulation

of symbols, but if there is no correlation with the real life and history of the given people, then the state risks losing confidence, which ultimately leads to an “identity crisis”.

Key words: Uzbek identity, national identity, symbols, A. Timur, logoization, identity crisis.

Национальные символы, изображения и ритуалы используются для передачи информации об истории, культуре и родине людей, представляющих нацию. Эти инструменты построения нации в основном имеют идеологическое измерение и используются для укрепления и консолидации коллективного сознания принадлежности к определенной нации. По мнению Б. Андерсона, хорошим примером этого являются могилы Неизвестных солдат, которые намеренно «пропитаны призрачным национальным воображением» [2, с. 8-9]. Важные национальные символы, такие как флаг, герб и валюта, могут изображать, например, ландшафт страны или почетных национальных деятелей, которые имеют общенациональную привлекательность. Таким образом, по словам Дж. Фокса и С. Миллера-Идрисса [7, с. 545], национальные символы «являются аккуратно упакованными дистиллятами нации: они являются стержнями, связывающими людей с нацией» [8, с. 18].

С этой точки зрения постсоветское национальное строительство в Узбекистане стало ассоциироваться с концепцией Р. Брубейкера о национализующем государстве, которая вызывает ощущение «незавершенного и непрерывного характера националистических проектов и процессов национализации», когда правящие элиты способствуют продвижению титульного национального большинства с помощью языковой политики, символов и культурного воспроизводства за счет этнических меньшинств» [3, с. 1786].

Процесс построения национальной идентичности

Индивидуальная идентичность и восприятие каждого человека в отношении своей национальной идентичности основаны на выборе набора маркеров идентичности, определяющих национальную идентичность. Создание нации – это процесс, посредством которого государство через свои институты и политические элиты в течение определенного периода времени предлагает серию маркеров идентичности и в то же время убеждает людей, проживающих на его территории, использовать одинаковые маркеры идентичности и интерпретировать их так, как хочет государство. Таким образом, процесс по-

строения национальной идентичности основывается на:

- выявлении возможных маркеров (жесткий отбор и сортировка – М. А.);
- выборе наиболее полезных маркеров, соответствующих данному контексту;
- предложении маркеров для (большинства) населения, проживающего на территории государства;
- принятии населением или подавляющим большинством предлагаемых государством маркеров в качестве законных символов государственности и идентичности (иногда это «воображение» о принятии – М. А.);
- формировании и выдвигании агентств, которые защищают интересы всего населения или какой-либо его части, участвуют в инициативах по распространению национальной идентичности или выявлению и распространению новых маркеров, соответствующих или, по крайней мере, не противоречащих предлагаемым государством (общественные партии, движения, организации по популяризации «новых» символов – М. А.);
- принятии населением в качестве соотечественников любых лиц, использующих предложенные маркеры («воображение» о принятии или не отрицании – М. А.) [11, с. 11];
- развитии ощущения единства в символах с помощью средств массовой информации, телевидения, Интернета, праздников в честь даты принятия этих символов и т. п.;
- популяризации и логотипизации национальных символов в повседневной жизни, в культурных артефактах и т. д.

Согласно приведенному примеру, национальная идентичность формируется на основе нескольких элементов, среди которых важное место отведено принятию маркеров в качестве законных символов государственности и идентичности. Независимость среднеазиатских государств в начале 90-х гг. XX в. стала мощным толчком для начала этого процесса. Каждое отдельное независимое государство в Средней Азии выбрало для себя именно те символы, которые больше всего связывали его с нынешней его территорией, историей и культурой. Двусмысленные, спорные или же «унизительные» символы прошлого просто упускаются из виду либо используются для дихотомического сравнения прошлого с настоящим.

Трансформация национальных символов Узбекистана

После обретения независимости Узбекистаном произошло много изменений, которые означали не только смену власти, но и смену идеологии. Это также коснулось национальных символов, которые были трансформированы и обрели «новый», государственный (местами этнический) облик. Традиционный для СССР символ «серпа и молота» был полностью изъят со всех вывесок и из печатных изданий. Его место ожидаемо занимает национальный флаг Узбекистана с 18 ноября 1991 г., и герб со 2 июля 1992 г.

Денежные знаки также были национализированы и введены в оборот новые «сумы». На купюрах 1992 г. можно увидеть национальный символ – герб – на лицевой стороне, и медресе Улутбека – на оборотной. С годами на купюрах начинают появляться другие национальные символы. На лицевой стороне банкнот расположен номинал в орнаментальном обрамлении. На обороте изображены памятники архитектуры республики:

1. на банкноте номиналом 1 сум – Большой академический театр им. А. Навои в Ташкенте (хотя здание было построено в советское время, но название представляет собой имя национального поэта и философа XV в.;
2. 3 сума – памятник архитектуры XIV в. Чашма-Аюб (источник воды в одном из старейших городов Средней Азии – Бухаре);
3. 5 сумов – монумент в память об А. Навои, установленный в Национальном парке Ташкента;
4. 10 сумов – Гур-Эмир, мавзолей правителя, полководца, завоевателя А. Тимура (более известного на западе как Тамерлан), памятник архитектуры XV в.;
5. 25 сумов – вид на комплекс мавзолеев Шахи Зинда в Самарканде;
6. 50 сумов – ансамбль Регистан в Самарканде, куда входят несколько медресе XV–XVII вв.;
7. 100 сумов – Дворец дружбы народов в Ташкенте (построен в 1980 г. и открыт в 1981 г.);
8. 200 сумов – фрагмент фасада медресе Шердор в Самарканде (изображение исторического герба Ирана – тигра, несущего на себе солнце);
9. 500 сумов – памятник Амиру Тимуру (Тамерлану) в Ташкенте;

10. 1 000 сумов – здание Национального музея истории Тимуридов в Ташкенте (был построен и открыт в 1996 г. к юбилею А. Тимура);

11. 5000 сумов – здание Олий Мажлиса (высший законодательный и исполнительный орган Узбекистана);

12. 10000 сумов – здание Сената (для заседаний Верхней палаты Олий Мажлиса);

13. 50000 сумов – здание Дворца форумов (одно из главных зданий по проведению совместных заседаний парламента и других приоритетных мероприятий);

14. 100000 сумов – обсерватория Мирзо Улутбека (правителя, ученого, внука А. Тимура) [21].

Если внимательно изучить символы, изображенные на купюрах Узбекистана (см. табл. № 1), то можно выяснить, что основным национальным символом Узбекистана в годы независимости стал А. Тимур и наследие Тимуридов (5 купюр), после него расположились архитектурные здания современности (4 купюры), затем культурные памятники древности (3 купюры), а также имя А. Навои (2 купюры).

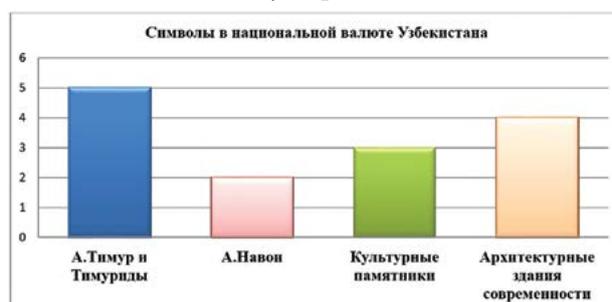

Таблица № 1 (составлена автором)

Если анализировать символы в купюрах по месту их расположения (см. табл. № 2), то получается, что 8 из 14 символов находятся в Ташкенте, 5 – в Самарканде и 1 – в Бухаре.

Таблица № 2 (составлена автором)

Отсюда следует вывод, что основными политическими, экономическими, культурными, символическими, брендовыми, историческими

центрами современного Узбекистана являются Ташкент (как нынешняя столица государства) и Самарканд (как центр культуры и бывшая столица А. Тимура и Тимуридов), а также Бухара (как центр культуры и столица Бухарского эмирата). Именно эти города стали основными символами, маркерами, достоянием государства и предметом для легитимации притязаний Узбекистана на самую древнюю государственность в этом регионе. В последующие годы в число исторических и символических городов Узбекистана были включены: г. Хива (не нашел отражения на национальных купюрах, однако в 1997 г. было отпраздновано 2500-летие этого города, который входит в наследие ЮНЕСКО); г. Шахрисабз (также не отражен на купюрах, но представляет ценность как родина А. Тимура, в 2002 г. было отпраздновано 2700-летие города, входящего в наследие ЮНЕСКО); Маргилан (не отражен на купюрах, однако в 2007 г. было отпраздновано его 2000-летие, ценится как родина культуры и ремесленничества Ферганской долины) и т. д.

Например, британские исследователи С. Акйилдыз и Р. Карлсон в своей книге «Social and cultural change in Central Asia: the Soviet legacy» [18] подробно описали смену официальных символов независимого Узбекистана. По их мнению, его национальные символы очень похожи на символы Туркменистана и бывшего СССР, по крайней мере, это касается герба. На гербе Узбекистана в центре, под изображением восходящего солнца, расположена мифическая птица хумо, которая символизирует благородство и счастье. Визуальное сравнение герба Узбекской Советской Социалистической Республики и государственного герба независимого Узбекистана также показывает символическое наследие недавнего советского прошлого. Немного изменилось в гербе, за исключением графики и центрального элемента – там, где была часть земного шара с СССР и серпом и молотом, которые были преобразованы в хумо и пейзаж долины. Кроме того, хотя графика и цвета теперь иные, форма и некоторые основные элементы, такие как хлопок и снопы пшеницы, остались прежними. Цвета лент на ветвях хлопчатника и колосьях пшеницы также изменились, будучи приведены в соответствие с цветами нового флага, а коммунистические лозунги были отброшены. Звезда наверху, символизирующая независимость, тоже изменила свой цвет и была преобразована в полумесяц, который присутствует и на флаге [18, с. 164-165]. Следует отметить, что и на сегодняшний день птица хумо продолжает считаться одним из

главных символов узбекского народа. Например, в 2019 г. была построена большая ледовая арена «Хумо» [23], в том же году была учреждена национальная платежная система и введена банковская карта под названием «Хумо» [22] и т. д.

О национальной символизации писал Б. Андерсон, который называет этот процесс «логотипизацией» и «воспроизводимостью» (посредством «печатного капитализма» – print capitalism) культурных памятников как части натурализации власти национального государства [2, с. 181-184]. По мнению Л. Адамс, «власть государства иллюстрируется присвоением визуальных изображений памятников как символов национальной идентичности, которые затем воспроизводятся на открытках и в учебниках, закрепляя идею нации конкретным символом, наделенным смыслом, который определяется государством» [1, с. 24]. Она оценивает данное явление в контексте фольклорных представлений и спектаклей, посвященных национальным праздникам. При этом предпочитает использовать термин Р. Хэндлера «объективация культуры» [9], а не «логотипизация» Б. Андерсона [2, с. 24].

О важности национальных символов, их значении в процессе развития национальных идей в свое время высказывались известные философы, социологи, антропологи и политики. Например, Э. Смит считает, что в либеральных и демократических государствах целью национальной системы массового образования было не столько гомогенизировать население, сколько объединить его вокруг определенных общих ценностей, символов, мифов и воспоминаний [16, с. 40-41]. Также автор подчеркивает важность этих символов в процессе укрепления национализма и пишет, что повторное открытие этнического прошлого дает жизненные воспоминания, ценности, символы и мифы, без которых национализм был бы бессилён. Но эти мифы, символы, ценности и воспоминания имеют популярный резонанс, потому что они основаны на живых традициях людей (или сегментов их жизни), которые служат как для объединения, так и для отличия их от соседей [16, с. 45-46].

Действительно, верным является утверждение Э. Смита о том, что посредством институтов, правил, воспоминаний, мифов, ценностей и символов люди объединяются в социальные группы, которые могут увековечивать себя на протяжении поколений и влиять на поведение своих членов не только посредством поощрений и санкций, но и в результате социализации, мифотворчества, идеологии и символики [16, с. 69].

Именно эти идеи, в конечном счете, формируют национальную идеологию нации, в которой отражаются как объединяющие аспекты, так и маркеры, отграничивающие и подчеркивающие уникальную идентичность именно этого народа.

По мнению исследовательницы А. Хаген, манипулирование символами понимается как неотъемлемая часть развития национальной идентичности. Однако это не означает, что посредством манипулирования символами можно развить любую идентичность. Хотя символическое измерение идентичности важно, идентичность не является чисто символической [10, с. 214]. Таким образом, несмотря на конструктивную особенность идентичностей (в нашем случае – это национальная узбекская идентичность), их нельзя создавать простым манипулированием национальными символами, поскольку искусственно созданные символы могут как объединить народ в единое целое, так и не иметь никакой объединительной ценности для народа. В таком случае возрастает вероятность «кризиса идентичности» [24, с. 112-123] в этом обществе, где народ (нация, этническая общность) потеряет лояльность, доверие к правительству и руководству, что может повлечь за собой очень серьезные последствия, вплоть до сепаратизма.

Как утверждает А. Кохен, символы являются просто носителями значения. Чтобы быть эффективными, они должны быть неточными: тогда как можно большее количество людей сможет модулировать общий символ в соответствии со своими собственными желаниями, а также требованиями к толкованию: четко определенный символ довольно бесполезен в качестве чего-либо, кроме чисто формального знака. Символы являются мощным ресурсом в сферах политики и идентичности [5, с. 50].

По мнению исследователей Р. Айзекса и А. Полиса, режимы в Центральной Азии часто прибегают к грандиозным публичным мероприятиям, дискурсам и символам, чтобы оправдать свое правление и ключевое место своего лидерства для государственного суверенитета, процветания и выживания [12, с. 373-374]. По нашему мнению, не только страны Центральной Азии, но и вообще большинство существующих обществ используют символы (индивидуальные, групповые, этнические, культурные, национальные) для объединения соответствующего общества ради какой-либо цели. Когда большинство индивидов общества признают эти символы и «воображают», что и другие также принимают эти символы, тогда возрастает доверие к субъ-

екту (отдельное лицо, группа людей, правительство), который транслирует эти символы, что, возможно, приведет к формированию общих целей и благополучия в результате их положительного осуществления.

Обоснованную оценку важности символов дает британский социолог Р. Женкинс в своем труде «Социальная идентичность» [13]: «...Символы создают ощущение общей принадлежности. Например, спортивная команда может вызвать чувство преданности, тем самым объединяя всех или большую часть членов сообщества, появляясь вовремя, чтобы стать символом сообщества для своих членов и посторонних. Общие ритуалы – будь то свадьбы и похороны, или ритуалы сообщества, такие как ежегодный праздник или выездная работа (например, коллективный труд в поле, озеленение города, всеобщая посадка деревьев и др.; у узбеков подобные работы называются «хашар»), – также могут выступать для сообщества в качестве его символов» [13, с. 135-136]. Исходя из нашего исследования узбекской идентичности, надо подчеркнуть, что эти символы также переплетены и с религиозными символами ислама, что еще больше укрепляет их значимость и место в обществе. Миротворность, честность, доброта, почитание старших и уважение младших, послушание и связанные с ними символы не транслируются со стороны государственных субъектов (кроме религиозных организаций), но считаются религиозными ценностями согласно исламской религии и также имеют свое огромное значение в укреплении лояльности к государству, которое поддерживает эти нравы и не противоречит им.

Виды символов в Узбекистане

Действительно, символы имеют неоценимое значение в осуществлении политики национализма и объединения государства; эту особенность многократно отмечали многие зарубежные исследователи, которые были упомянуты выше. Для более глубокого осмысления узбекской символики нужно систематизировать их, выделив несколько групп:

- национальные символы – в предыдущих исследованиях постсоветского национализма, в которых анализировались основные способы и места выражения национальной принадлежности, часто рассматривали официальные национальные символы и участие в национальных мероприятиях, таких как парады, церемонии или национальные праздники (Kolstó

P., Smith G., Akiner Sh., Fierman W., Laruelle M., Cummings S., Grigol U., Kirimli M., Weiser E., Cathedral L., Macfadyen D.);

- религиозные символы – в зарубежных исследованиях были отмечены несколько исламских символов, которые ассоциировались с узбеками. Например, во время политики снятия паранджи, «паранджа» превратилась в некий символ «узбекской женщины» [14, с. 29-30, 149, 151, 171, 179, 180; 29]. Сейчас паранджа (хиджаб) в Узбекистане не считается символом этнической принадлежности. В независимом Узбекистане исламские праздники, молитва, исламские атрибуты (белая тюбетейка, платок, дуппи), исламские центры культуры (Бухара, Самарканд), исламские святыни превратились в религиозные символы Узбекистана (Luong P. J., Kamp M., Akbarzadeh Sh., DeWeese D. A., Kendzior S., Rasanayagam J., Louw M., Northrop D.);
- этнические символы – являясь частью идентичности одной этничности, они преобразуются и становятся национальными символами. Например, А. Тимур, полководец из тюркизированного племени барлас, со временем превратился в национальный символ узбекской национальной идентичности (Laruelle M., Akyildiz S. and Carlson R., Pascaleva E., Luong P. J., Starr F., Khalid A., Sela R.);
- культурные символы – занимают значительное место в повседневной жизни узбекского народа. Эти символы могут и не считаться национальными, но они рассматриваются как часть культуры узбекского гостеприимства (Adams L., Djumaev A., Starr F., Rosenberger N.);
- неофициальные символы – некоторые ученые начали признавать текучесть национальных символов, указывая также на важность неофициальных национальных символов (Brubaker et al., Kuzio T.), например «узбекский палов», «узбекский хлеб (нон)» (Zanca R. [20, с. 5; 42]; Doi M. M. [6, с. 28-29]; Rosenberger N. [15, с. 339-360]).

Также нужно отличать значение понятия «символы» в широком и узком смысле, поскольку нередко этнические, религиозные символы могут одновременно являться национальными символами. Но иногда национальные символы не являются и не воспринимаются как символы

этнических или религиозных меньшинств. Все эти аспекты нужно и важно учитывать в дальнейшем комплексном изучении символов и их влияния на национальную идентичность узбеков.

Выводы

В заключение размышлений о важности символики следует подчеркнуть, что после обретения независимости республиками Центральной Азии национальные символы, история, наследие и герои стали очень важными как национальная идентификация и легитимация этих республик; они были восприняты как способ избегания политических кризисов. После того как этот относительно неустойчивый период прошел, политическая элита в данных странах смогла реорганизовать и реинституционализировать свою политику национализации. Однако необходимо указать, что первые проекты создания национального символа и формирования национальной идеологии, на реализацию которых в некоторых случаях ушло два десятилетия, были под влиянием наследия советской власти. Более того, они даже повторяли соответствующие формы и символы и использовали сходную идеологическую риторику, например, в президентских речах или даже при проектировании новых памятников [18, с. 170].

В ходе эффективного осуществления проекта национального строительства для продвижения и распространения национальной символики, популяризации национальной культуры, повышения и укрепления статуса национального языка, возрождения и сохранения национальных традиций, укрепления духовных нравов, повышения государственного и религиозного образования, а также для усиления чувства «нации» связующая роль отводится именно символам, которые передаются с помощью коммуникационных средств. Успешная легитимация символов приводит к укреплению национальной идентичности и единства. Неудачно выбранная символика способна вызвать раскол в обществе или безразличие и снижение лояльности граждан по отношению к государству, что в итоге может привести к «кризису идентичности».

Следовательно, в успешном развитии общества, государства правильно налаженная система национальных символов играет очень большую роль. В связи с этим в Узбекистане необходимо повысить уровень принятия и уважения национальных символов. Пока национальная символика уступает место религиозным символам, так как в каждом доме узбека можно найти Свя-

щенный Коран, но редко можно увидеть государственный флаг или герб. Это доказывает, что государству еще много нужно сделать для поднятия имиджа этих символов, чтобы закрепить их в сердцах народа.

Литература / References

1. Adams L. Celebrating independence: Arts, institutions, and identity in Uzbekistan. USA: University of California, Berkeley, 1999. 241 p.
2. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 2006. 240 p.
3. Brubaker R. Nationalizing States Revisited: Projects and Processes of Nationalization in Post-Soviet States. In: Ethnic and Racial Studies. Vol. 34(11), 2011, pp. 1785-1814.
4. Catedral L. Uzbek re-modeled: Russian loanwords in post-soviet Uzbek media. In: The Journal of Language and Politics. Vol. 16 (2), 2017. – <https://benjamins.com/#catalog/journals/jlp/issues> (дата обращения – 18.01.2020).
5. Cohen A. P. Culture, identity and the concept of boundary. In: Revista de antropologia social, num. 3. Editorial Complutense, Madrid, 1994, pp. 49-61.
6. Doi M. M. Gesture, gender, nation: dance and social change in Uzbekistan. USA: Bergin & Garvey, 2002. 151 p.
7. Fox J. E. and Miller-Idriss C. Everyday nationhood. In: Ethnicities 8, no. 4, 2008, pp. 536-569.
8. Grigol U. Soviet nation-building in Central Asia: the making of the Kazakh and Uzbek nations. London and New York: Routledge, 2016. 272 p.
9. Handler R. Nationalism and the Politics of Culture in Quebec. Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1988. 217 p.
10. Haugen A. The establishment of national republics in Soviet Central Asia. Palgrave Macmillan, 2003. 276 p.
11. Isaacs R. and Polese A. Between “imagined” and “real” nation-building: identities and nationhood in post-Soviet Central Asia. In: Nationalities Papers. Vol. 43:3, 2015, pp. 371-382.
12. Isaacs R. and Polese A. Nation-building and identity in the Post-Soviet Space. London and New York: Routledge, 2016. 272 p.
13. Jenkins R. Social Identity. London: Taylor & Francis e-Library, 2008, 3rd edition. 232 p.
14. Kamp M. The new woman in Uzbekistan: Islam, modernity, and unveiling under communism. USA: University of Washington Press, 2006. 320 p.
15. Rosenberger N. Patriotic Appetites and Gnawing Hungers: Food and the Paradox of Nation-building in Uzbekistan. In: Ethnos. Vol. 72:3, 2007, pp. 339-360.
16. Smith A. Nationalism and Modernism. London: Routledge, 1998. 288 p.
17. Smith G., Law V., Wilson A., Bohr A., Allworth E. Nation-building in the Post-Soviet Borderlands: The Politics of National Identities. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 310 p.
18. Social and cultural change in Central Asia: the Soviet legacy. In: Edition of S. Akyildiz and R. Carlson. NY: Routledge, 2014. 206 p.
19. Weiser M. E. National Identity within the National Museum: Subjectification within Socialization. In: Studies. Philosophy and Education. Vol. 34, 2015, pp. 385-402.
20. Zanca R. “Take! Take! Take!” Host-guest relations and all that food: Uzbek hospitality past and present. In: Anthropology of East Europe Review. Vol. 21, no. 1, 2003, pp. 8-16.
21. Национальная валюта Узбекистана – узбекский сум. In: <http://economics.niv.ru/doc/encyclopedia/bank/articles/489/uzbekskij-sum.htm> (дата обращения: 20.01.2020) / Natsional'naya valyuta Uzbekistana – uzbekskiy sum. In: <http://economics.niv.ru/doc/encyclopedia/bank/articles/489/uzbekskij-sum.htm> (дата обращения – 20.01.2020).
22. Национальная платежная система «Хумо». In: <https://humocard.uz/ru/> (дата обращения: 23.01.2020) / Natsional'naya platezhnaya sistema “Humo”. In: <https://humocard.uz/ru.htm> (дата обращения – 23.01.2020).
23. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности. In: Вопросы философии. М., 1994, № 10, с. 112-123. / Hösle W. Krizis individual'noi i kollektivnoi identichnosti. In: Voprosy filosofii. М., 1994, № 10, s. 112-123.

Mirzokhid Askarov (Tashkent, Republica Uzbekistan). Doctorand. Institutul de Istorie al Academiei de Ştiinţe a Republicii Uzbekistan.

Мирзохид Аскарлов (Ташкент, Республика Узбекистан). Докторант. Институт истории Академии наук Республики Узбекистан.

Mirzokhid Askarov (Tashkent, Republic of Uzbekistan). PhD student. Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan.

E-mail: mirzokhid.askarov90@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0398-563X>